ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

EGOROV, Valeriy/ЕГОРОВ Валерий
RUSYA/RUSSIA/РОССИЯ

Конец XX века стал периодом ренессанса цивилизационной теории движения мировой истории. Не вдаваясь в детали этой теории, следует выделить в ней то главное, что является общим для всех практически её толкований: движение мировой истории представляет собой результат взаимодействия нескольких великих самобытных культур-цивилизаций. Известно, что с античных времён все попытки осмыслить развитие мировой истории включали элементы цивилизационного подхода, и лишь в середине XIX века, в работах русского учёного Н. Я. Данилевского цивилизационная теория приобрела завершённость, став основой для последующих научных изысканий в этой области.

Интерес к этой теории в дальнейшем то затухал, то возрождался, что было связано, как правило, с глобальными геополитическими изменениями. Так было после Первой мировой войны, приведшей к краху крупнейших империй Российской, Османской, Австро-Венгерской и Германской, с установлением Версальской системы послевоенного мироустройства и появлением новых субъектов международных отношений различной цивилизационной принадлежности. Именно тогда появились классические труды О. Шпенглера и А. Тойнби «Закат Европы» и «Постижение истории», впоследствии на многие десятилетия забытые.

Причиной этого забвения стал тот факт, что с появлением на международной арене Советского Союза, а затем в итоге Второй мировой войны-социалистической системы определяющим стало деление мирового сообщества не по цивилизационному, а по идеологическому признаку. Направленность мирового развития, уровень и качество отношений между субъектами мировой политики, противоречия и конфликты определялись различием господствующих идеологий и социально-экономических и политических устройств отдельных стран и их объединений. На несколько десятилетий установилось биполярное мироустройство, при котором взаимодействие субъектов международных отношений с достаточной степенью адекватности описывалась реалистической парадигмой. Суть её состояла в том, что при несовпадении или противоположности интересов и устремлений субъектов международных отношений относительная устойчивость всей мировой системы обеспечивалась достижением и

поддержанием баланса сил (в широком смысле этого слова) между основными мировыми центрами тяготения, представленными возглавляемыми СССР и США военно-политическими союзами.

С распадом социалистического содружества и Советского Союза утратили силу идеологические противоречия, возникла и усилилась тенденция к установлению однополярного мира. Однако вопреки ожиданиям части теоретиков и политиков мировая система не стала стабильней, а её развитие – более предсказуемым. Наука о международных отношениях оказалась в глубоком кризисе. В этих условиях и состоялось возрождение интереса к цивилизационной теории. Среди множества попыток создания «работающей” теории международных отношений, предпринятых в 90-е годы прошлого столетия, наиболее известна работа С. Хантингтона «The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order», вышедшая в 1997 году.

Нет необходимости здесь подробно излагать содержание теории Хантингтона, но в соответствии с целью данной работы необходимо подчеркнуть её некоторые моменты. Так ключевым положением упомянутой теории является то, что в нынешнем, а тем более будущем мире противоречия и конфликты не связаны с идеологией или экономикой. Важнейшая причина обусловлена культурным, цивилизационным фактором, а основные конфликты будут развёртываться между нациями и группами наций, принадлежащим к различным культурам. При этом национальные государства останутся основными субъектами международных отношений. Согласно этой теории устанавливается жёсткая корреляция культуры и политики, прочные политические союзы формируются преимущественно для защиты ценностей той или иной цивилизации, что сопряжено с радикальной трансформацией существующего мирового порядка и, как следствие, перманентными международными конфликтами разной степени интенсивности и масштабов. Коалиции национальных государств, объединившихся по цивилизационному признаку, возглавляются наиболее мощным в военном и экономическом плане государством-лидером.

Критики этой теории справедливо указывают, что постулирование столкновения цивилизаций как основного фактора исторического развития не способно в принципе обеспечить самые разные интересы субъектов международных отношений и сохранить стабильность в мире. Буквальное следование этой теории в практике общественной, в том числе, международной жизни заведомо исключает компромисс и диалог, как способы разрешения и предупреждения неизбежных в реальной жизни противоречий и конфликтов. Трудно представить себе, что для обеспечения мирного сосуществования различных стран и народов, одна из сторон конфликта может безропотно пойти на отказ от своей культуры, своих нравственных, духовных ценностей. Отсюда следует фатальная

предопределённость обострения кризиса и его вооружённое разрешение, что с учётом нынешних средств массового уничтожения неизбежно приведёт к эскалации кризиса и рукотворному апокалипсису. В таком контексте какую бы систему мер недопущения подобного развития ситуации в мире не выработает человечество, её принципиальной основой может быть только ***диалог***.

Согласно Хантингтону, в настоящее время в мире существуют китайская, японская, индийская, исламская, западная. Он допускает также существование африканской и латиноамериканской цивилизаций и сообщает, что некоторые учёные считают самостоятельной цивилизацией православную русскую, отличающуюся от её прародительницы византийской и западной христианской. Любопытно, что в своё время А. Тойнби выделил пять «живых» цивилизаций: западную, православную, исламскую, дальневосточную и индийскую. При этом он поставил Россию на распутье: или занять подобающее место в западном мире, или построить свой антизападный мир. Как видим, цивилизационный статус России в обоих случаях отмечен неопределённостью, в то время как принадлежность Турции к исламской цивилизации никогда и никем не подвергалась сомнению.

Для данной работы интересна та часть работы Хантингтона, где говорится о 1300 годах конфликтов между западной и исламской культурами, а также о том, что после окончания идеологического раскола Европы в конце 80-х, начале 90-х годов прошлого века вновь проявилось её культурное разделение между западным христианством с одной стороны и с ортодоксальным христианством и исламом – с другой.

В конце XX века человечество, веками и тысячелетиям разделяемое противоречиями, войнами, перекраиванием суши и морей, с трудом стало осознавать себя единым целым, поскольку выжить какому-либо члену мирового сообщества обособленно в нынешних условиях стало объективно невозможно. Экологическая взаимозависимость, ограниченность жизненных ресурсов в самом широком смысле, жёсткая логика законов геополитики и макроэкономики предопределили активное взаимодействие стран и народов, столкновение интересов, неизбежные споры и конфликты, а также настойчивые попытки совместными усилиями найти способы и системы глобального регулирования, способные обеспечить стабильный, прогрессивно развивающийся мировой порядок.

Жизнь в населённом, а тем более в перенаселённом доме или городе зависит от того, как живут между собой соседи. Чем больше добрососедства и взаимопомощи, тем лучше всему обществу, и наоборот – вражда и ссоры разъедают его. В эпоху глобализации, современных средств коммуникаций и свободных перемещений больших масс людей

все страны становятся соседями со всеми вытекающими отсюда проблемами сосуществования. Динамика вовлечённости двух отдельно взятых государств в процесс глобализации, интенсивность и качество их взаимоотношений зависят от множества факторов, среди которых не последнее место занимают их географическое и геополитическое положение, совместная история, этнические и религиозные аспекты, отношения с третьими странами. Соседство как продукт динамичной глобализации далеко не всегда может быть в полном смысле добрососедством. Поэтому в лучшем положении находятся те страны, чьи отношения прошли проверку временем, общими бедами и радостями, а способность понимать друг друга и поддерживать диалог стало их общим достоянием.

Проблема диалога, как антитезы конфликту, актуальная везде и во все времена, приобрела особую остроту в последние десятилетия, когда общечеловеческие глобальные процессы сопровождаются радикальными изменениями всей конфигурации мирового устройства. Всемирная история даёт массу свидетельств того, что даже локальные трансформации порождали множество конфликтов разного рода, последствия которых зачастую выходили далеко за пределы конфликтного региона. Достаточно вспомнить недавнюю историю, историю XX века, когда человечество пережило две мировых войны. И это было лишь кануном эпохи глобализации. Сейчас же практически любой международный конфликт может быстро перерасти в глобальный из-за растущей интегрированности каждого государства в систему общемировых связей. Не только экономика, политика, массовая культура, демография и т. д. стали глобальными. Глобальными стали угрозы: загрязнение окружающей среды, распространение средств массового уничтожения, наркотики, международная преступность и, наконец, терроризм.

События 11 сентября 2001 года в Соединённых Штатах, масштабные террористические акты в благополучных странах Европы, Азии, в России и Турции самым ужасным образом продемонстрировали, что перед лицом этой угрозы уязвимы все государства и народы. Оказалось также, что применение силы для борьбы с террором (акции в Афганистане и Ираке в начале 2000-х годов) не дают ожидаемого эффекта и что система глобального регулирования (ООН, ОБСЕ и т. д.) уже не справляется с задачей нормализации положения в мире. Создание гибкой и эффективной системы предупреждения и разрешения конфликтов на основе ***диалога*** является, безусловно, сложным, многоаспектным процессом, требующим конструктивного участия всех членов мирового сообщества, согласования из интересов.

Представляется очевидным, что, создавая подобную систему мер, следует не только учитывать современные реалии и обобщённое, абстрактное представление о логике и перспективах развития кризисов, но

и использовать богатейший опыт сосуществования стран и народов вообще, а в особенности тех, которые принадлежат к различным цивилизациям. Таковым, как уже отмечено выше, согласно современным представлениям, являются Россия и Турция. Анализ процесса их взаимоотношений в течение более, чем 500 лет, позволяет, несмотря на известную неравномерность и неравноценность отдельных этапов, сделать вывод о его эволюционном характере. Сравнение же отношений России с её соседями за сопоставимый период с учётом динамики, масштабов и состояния на нынешний момент даёт основание считать сосуществование России и Турции образцовой исторической моделью межцивилизационного взаимодействия.

Это мнение могут оспорить те, кто рассматривает историю российско-турецких отношений как историю войн, участия во враждебных коалициях, взаимных претензий, предубеждений и ксенофобии. И хотя это тоже имело место, была и другая история, история примирений, диалога и взаимопонимания, помощи и поддержки в трудные дни. Россию и Турцию свела одна из самых масштабных экспансий в мировой истории: русских-христиан на восток и юг, тюрок-мусульман – на запад и север. В конце XV столетия, превратившись в крупные централизованные государства, Россия и Турция установили дипломатические отношения, а ещё почти через 200 лет, два евразийских гиганта сблизились географически, и у них появилась общая граница, определённая Бахчисарайским соглашением о перемирии 1681 года.

Нет необходимости перечислять все войны и примирения, которые имели место в последующие столетия. Их было много, как много было причин и поводов, противников и союзников, приобретений и утрат. Важно отметить, что приобретения и мир были тогда, когда две соседние страны сами решали возникавшие проблемы и объединялись против общей угрозы. Знаменательными вехами в истории отношений двух стран стал Союзный оборонительный трактат, подписанный в Стамбуле в декабре 1798 года и существенно повлиявший на политическую обстановку на Чёрном море и в Восточном Средиземноморье иУнкяр-Искелесийский союзный договор 1833 года, предусматривавший взаимную помощь в случае угрозы «их обоюдному спокойствию и безопасности». Необходимо отметить и то, что цивилизационные, том числе религиозные различия, хотя и играли свою роль в противоречиях и конфликтах между Россией и Турцией, не становились непреодолимым препятствием для союзных отношений. А вполне могли бы, поскольку в конце XV века Россия самоназвалась «третьим Римом», а Османская империя в начале XVI столетия стала халифатом, и две державы превратились в духовных лидеров двух крупнейших конфессий.

Кризисы и войны возникали, как правило, тогда, когда Россия и Турция входили в антагонистические международные союзы и коалиции,

имевшие своей основной целью решение военно-политических задач. В какой степени это противоречило интересам двух стран, говорят итоги Первой мировой войны, одним из которых стал распад Российской и Османской империй с последующими очень тяжёлыми последствиями для их наследников.

Если для России в первой четверти прошлого столетия реальной перспективой было выживание с существенными потерями (территориальными, политическими, экономическими и т. д.), то для Турции после Первой мировой войны актуальным был вопрос «быть или не быть» ей как государству. В том, что Россия (РСФСР, СССР) в тот период смогла прорвать международную блокаду, минимизировать свои утраты огромная роль принадлежит установлению и развитию добрососедских отношений с её южными соседями – Ираном, Афганистаном и, прежде всего – с Турцией. В том, что Турция в то же время, даже понеся значительные территориальные потери в результате её раздела странами-победительницами, осталась на политической карте мира как независимое суверенное государство, а затем в сравнительно короткий срок смогла создать базовый экономический потенциал для дальнейшего развития, есть и большой позитивный эффект сотрудничества с Россией.

Оценивая российско-турецкие отношения в период 20-х – 30-х годов прошлого века, современный турецкий исследователь Г. Казган пишет: «С одной стороны, в СССР начал утверждаться коммунизм, враждебно относящийся к экономическому порядку Запада, то есть к капитализму. С другой стороны, республиканцы, организовавшие при поддержке народа освободительную борьбу за создание на части территории Османской империи национального государства, создали прецедент, подавая пример для других угнетённых народов. Всё это вынуждало Запад выступить единым фронтом как против первого, так и против вторых. Результатом этого стало развитие сотрудничества между СССР и турецкими республиканцами и оказание Советским Союзом разносторонней поддержки Турции в период освободительной борьбы, а затем – в годы становления республики и проведения реформ. Другими словами, результатом создания Западом единого фронта против Турции и СССР стало развитие взаимного сотрудничества этих двух новых государств».

В связи с этим хотелось бы вспомнить о том, как создатель новой Турции Ататюрк, выступая от имени созданного в апреле 1920 года Великого национального собрания Турции, обратился к правительству РСФСР с предложением установить дипломатические отношения и «принять участие в войне против иностранного империализма, угрожающего обеим странам». Предложение было принято, отношения установлены, и Россия смогла помочь своему соседу. Позднее он скажет: «Победа новой Турции над интервентами была бы сопряжена с

несравненно большими жертвами или даже совсем невозможна, если бы не поддержка России. Она помогла Турции и морально, и материально. И было бы преступлением, если бы наша нация забыла об этой помощи».

Период, о котором говориться выше, при всей его сложности и противоречивости, можно с полным основанием назвать временем проявления конструктивной взаимозависимости двух стран. Именно тогда был заложен позитивный потенциал сотрудничества двух стран, выработаны и поныне сохраняющиеся принципы двухсторонних отношений, а у народов России и Турции о том времени сохраняется добрая память. И не случайно также, что среди международно-правовых актов, формирующих юридическую основу отношений между нашими странами важное место занимает подписанный 16 марта 1921 года Договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турецкой Республикой.

Следует отметить, что, несмотря на безусловную взаимную заинтересованность России и Турции, процесс их сближения в 20-е годы не был простым. Сказывалась неурегулированность проблемы Проливов, влияние определённых внешних сил, незаинтересованных в укреплении как России, так и Турции, известная предубеждённость и недоверие, принципиальное различие в долговременных идеологических установках. Тем ценнее тот факт, что взаимные интересы наших стран в тот период были преобладающими, а политическая воля их руководителей, готовность и способность к конструктивному диалогу оказалась сильнее влияния негативного внешнего «фактора третьих стран». Следует отметить расширение основ межцивилизационного взаимодействия. Установление республиканского строя, провозглашение светского характера государства, реформы в законодательстве, образовании и культуре – всё это и многое другое способствовали росту взаимопонимания.

В дальнейшем, особенно в 20-е и 30-е годы, Советский Союз и Турция накопили богатый и в целом позитивный опыт сотрудничества, в том числе, в рамках международных форумов и организаций. Одним из наиболее показательных примеров является международная конференция, состоявшаяся в г. Монтрё в 1936 году и имевшая целью пересмотр международно-правового статуса Черноморских проливов. Советский Союз и Турция были недовольны режимом судоходства в проливах, установленным Лозаннскими соглашениями 1923 года. СССР-потому, что оно допускало свободный проход в Чёрное море военных кораблей практически любых, в том числе недружественных стран, а Турция, потому что всё ещё не имела реального суверенитета над зоной Проливов.

В целом режим судоходства в Проливах не гарантировал безопасность и СССР, и Турции. Потребовались серьёзные индивидуальные и совместные усилия, чтобы, в конце концов, получился заключительный

документ, максимально учитывающий их интересы. 20 июля 1936 года был подписан поистине исторический акт – Конвенция о режиме Проливов. Действующий и по сию пору этот документ означал признание мировым сообществом прав Советского Союза и Турции на обеспечение своей безопасности и существенно укрепил их международный авторитет.

Во время Второй мировой войны советско-турецкие отношения ухудшились. Взаимное недоверие с двух сторон, настороженность и опасение Турции в отношении послевоенной политики северного соседа, идеологические разногласия – всё это происходило на фоне нараставшего отчуждения СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции. После окончания войны Советский Союз денонсировал Договор и дружбе и нейтралитете 1925 года. Требования совместного с Турцией контроля над Черноморскими проливами, затем и территориальные претензии серьёзно и надолго осложнили отношения между двумя странами. Турция сделала окончательный выбор в пользу Запада, став в 1952 году членом НАТО. Заявление СССР в мае 1953 года об отсутствии каких-либо территориальных претензий к Турции уже не могло что-либо изменить в этом вопросе.

Использование Советским Союзом жёсткого давления на Турцию вместо поиска компромиссов на основе взаимных интересов стало одной из основных причин того, что отношения между соседними странами оказались на грани замерзания. Потребовались десятилетия кропотливого труда, дипломатических и иных усилий, чтобы вновь создать необходимые условия для реализации объективных предпосылок добрососедских, взаимовыгодных отношений. Хотелось бы выделить лишь один факт. В 1952 году назад, задолго до Хельсинского Акта 1975 года, ОБСЕ и программ «Партнёрство ради мира» НАТО уже продвинулась далеко на Восток и имела более 2000 км совместной сухопутной и морской границы с Советским Союзом. Тогда в труднейших условиях «холодной войны” после кризиса в отношениях с Турцией в конце 40-х годов Советскому Союзу ценой настойчивых усилий, исходя из общих интересов и накопленного опыта, удалось не только избежать конфронтации с влиятельным членом НАТО – Турцией, но постепенно перейти к многостороннему сотрудничеству с нею. Сейчас, когда НАТО расширилось и ещё ближе к центру России, опыт советско-турецких отношений имеет особое значение.

Общеизвестно успешное развитие сотрудничества между давними соседями в 60-е и 70-е годы прошлого столетия, велика роль в его развитии газовых проектов 1984 и 1997 годов. Трудно переоценить значение Декларации об основах двухсторонних отношений 1972 года и Политического документа 1978 года. На первый взгляд, всё это только история после того, как распался Советский Союз и геополитическая ситуация в мире радикально изменилась, а в регионе, несравнимо более

активными политическими и экономическими субъектами стали третьи страны. Но всё же это не совсем так.

История и география сделали Черноморский бассейн, Кавказ и Центральную Азию зоной естественных (во вполне мирном смысле этого слова) интересов России и Турции. В условиях глобализации и в силу складывающейся политической конъюнктуры естественно видеть здесь всех, кто в состоянии способствовать его позитивному развитию, и кто в соответствии с логикой политического реализма хотел использовать складывающуюся конъюнктуру. Но поскольку речь идёт о России и Турции, то необходимо иметь в виду, что ***во-первых***, в силу исторических, географических, этнопсихологических и иных факторов российско-турецкие отношения применительно к региону не могут быть конъюнктурными. ***Во-вторых***, было бы ошибкой в этом регионе идентифицировать интересы Турции и Запада. ***В-третьих***, при оценке перспектив отношений между Россией и Турцией следует учитывать специфику переживаемого периода, общие для всех стран, включая самые развитые, вызовы времени, порождаемые глобализацией.

Уже цитированная мною Г. Казган пишет: «Если одновременно с глобализацией в мире получают распространение соглашения о региональном сотрудничестве, то главной причиной этого является невозможность отдельных стран в одиночку противостоять её негативному влиянию, и они стремятся к сотрудничеству». Как столетия назад, так и сейчас, в эпоху радикальных изменений и глобальных кризисов, нет альтернативы проверенному временем и всеми превратностями истории взаимопониманию, диалогу и согласию.

Нет необходимости перечислять все события, укрепившие добрососедские связи между нашими странами. Достаточно вспомнить Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики 1992 года, более, чем 60 действующих межгосударственных договорно-правовых актов, подписанную в 2004 году во время визита в Турцию президента Российской Федерации В. В. Путина Политическую декларацию об углублении дружбы и многопланового партнёрства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. Этот документ подтвердил высокий уровень политического диалога, позволяющий решать любые вопросы, стоящие перед двумя странами. В ноябре 2001 года в Нью-Йорке министры иностранных дел России и Турции подписали План действий по развитию сотрудничества между Россией и Турцией в Евразии (от двухстороннего сотрудничества к многоплановому партнёрству), в котором впервые в истории российско-турецких отношений в международно-правовой форме закреплён переход от двухстороннего сотрудничества к многоплановому партнёрству. Тем самым были созданы предпосылки для того, чтобы в нынешней очень

непростой обстановке в мире остров стабильности и добрососедства укреплялся и расширялся.

Бесценный опыт сосуществования России и Турции в разные исторические эпохи и в различных условиях свидетельствует о том, что, как и прежде, так и в настоящее время диалог и взаимопонимание, добрососедство и взаимовыгодное сотрудничество являются необходимым и обязательным условием мирного, прогрессивного развития любой страны, независимо от того, какой цивилизации она принадлежит. В этом качестве этот опыт может служить источником проверенного знания и исторического оптимизма для тех, кто ищет выходы из кризисов, неизбежных в эпоху перемен.